

УДК 1(091)(430)"18/19"Ницше(045)

*О.В. Соколова***КОНЦЕПТ НИЦШЕ «ВОЛЯ К ВЛАСТИ» КАК СПОСОБ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ МЫШЛЕНИЯ**

В концепции Ф. Ницше природное, или естественное, существование человека всегда больше животного существования, потому что человек знает время. Эта избыточность предьявляется как историческое время. Время истории образует «разрыв» с повседневностью животного существования, открывая пространство памяти. Область исторического фундирует выход человека в не-природность существования. Появляются способы определения человеческого бытия через границу с историческим. В отнесении к прошлому, или монументальной истории, человеческое бытие оказывается меньше, чем историческое, определяясь трансцендентальными смыслами навязанных целей. Забвение собственных смыслов погружает его в пучины антикварной истории, в структуры свершившегося прошлого, обесмысливающие настоящее. Критическая история вынуждает к полному отказу от всех прошлых и будущих исторических смыслов, лишая человека надежды на их обретение. И только возможность рефлексии как способности различения человеческого существования во времени включает мышление, которое всегда ставит под сомнение повседневное существование человека. Нерелексивируемая повседневность конституируется моральными нормами и правилами, которые обеспечивают и упорядочивают жизненное пространство индивида. Для выхода собственно в мышление необходимо преодолеть установленные моральные предрассудки, которые останавливают мышление и делают его невозможным. Для преодоления предрассудков необходимо сделать усилие, то есть проявить «волю к знанию», что является «волей к власти». «Воля к власти» есть собственно воля к власти мышления, его способности конструировать и создавать дискурсивные пространства. Призыв воли к власти – это призыв воли к жизни, так как человек осуществляется как человек исключительно в качестве мыслящего субъекта.

Ключевые слова: мышление, история, воля, мораль, предрассудки, суждение, свобода, поступок, субъективность, объективация, мужество.

Онтологическая модель Ницше выстраивается с безусловного основания, что «человек уже – есть», он уже существует. Обоснования этому не требуется. Человек не может избежать факта жизни. Жизнь существует как бесконечный поток, который находится в движении и становлении. Это существование есть естественная жизнь («житие «согласно с природой»), то есть существование человека совпадает с животным существованием, оно неотлично от других видов природного существования, которое есть состояние абсолютного счастья, поскольку оно не знает времени: «Погляди на стадо, которое пасется около тебя: оно не знает, что такое вчера, что такое сегодня, оно скачет, жуёт траву, отдыхает, переваривает пищу, снова скачет... не зная ни меланхолии, ни пресыщения» [2. С. 5]. Существование животного неисторично, животное всегда «уже – есть», и оно есть всегда «так, как есть». Однако человек не совпадает полностью с животным существованием, так как он знает время, которое предьявляется как прошлое. Человек может погрузиться в состояние счастья, если он сможет войти в состояние «забвения». Но в этом случае он становится неразличим с животным.

«Жить – разве это не значит как раз желать быть чем-то другим, нежели природа?» [1. С. 23] – задается вопросом Ницше. Отсюда: человек как бы находится в ситуации отрицания потока собственно естественного существования, или в ситуации не-существования. Эта ситуация возникает как отрицание принципа «жить согласно с природой», который парадоксальным образом ничего не утверждает и не определяет. Тогда наличие времени оказывается условием, гарантом собственно человеческого существования. Очевидно, что формой предьявления времени становится исторический поток, который всегда имеет свое начало, но не имеет конца. Если человек разворачивает собственно человеческое существование через границу с историей, то здесь возможны разные варианты этого определения.

Во-первых, если человеческое существование определяется историей, понимаемой как исторический процесс, вынесенной за пределы человеческого существования в прошлое, то история начинает задавать и определять смыслы человеческой жизни. История выполняет функцию «монументальной истории». «Монументальная история» всегда избыточна по отношению к человеческому существованию, человек здесь всегда меньше, чем история. Человек является функцией исторического процесса, который непременно направлен в сторону «светлого будущего». Или в сторону «конца света». Всё будет зависеть от того, каковы цель и назначение этого потока, и какая мифологема будет гос-

подствовать в тот или иной период развития истории. Цель всегда «уже» определена, поэтому человеческое существование жестко ограничено ею. Человечество движется к своему концу, запланированному задолго до его наступления. В этой ситуации человек «обречен».

Однако, если человек откажется от целей существования, которые задаются «монументальной историей», его собственное существование может абсолютно утратить смысл. Человек оказывается в прошлом и теряет интенциональную силу к будущему. Он застывает в прошлом; «наслаждается» им таким, каким оно было до него. Он погружается в другой вид исторического существования – «антикварный». Это «охраняющее» и «почитающее» существование. Индивидуальное существование растворяется в коллективной истории. Такое существование не испытывает ни переизбытка истории, ни ее нехватки. Это абсолютно не-рефлексивное существование. Человек погружается в созданные до него структуры социального, принимает их, сливается с ними и полностью объективируется в них. Он продолжает оставаться объектом исторического процесса. Это пассивный способ сохранения и предъявления истории. У этой истории тоже нет будущего, поскольку наступающее предъявляется как уже свершившееся прошлое.

Третий способ взаимоотношения истории и человеческого существования предъявляется как история критическая. Человек подвергает «критике» все свершившееся, но, как правило, всегда «осуждает» прошлое. Но тем самым он отрицает и настоящее, и будущее. Если нет начала, то нет и никакого продолжения: находясь на границе изучения истории, человек не принадлежит ни историческому существованию, ни собственно человеческому, поскольку собственно человеческое лишается исторического основания.

Очевидно, что все предложенные Ницше варианты разнятся по своей сути, более того, они противоречат друг другу и даже взаимоисключают друг друга. Поиск «истины» как последней цели существования в системе ценностей классической метафизики ставится под сомнение, которое можно выразить еще более радикально способом: почему мы ищем «истину», а не ее противоположность. Уже Кант доказал: парадоксальность антиномии понятий и суждений кроется в априорных структурах мышления. Именно возможность различения «ложных» и «истинных» суждений – гарант возникновения и осуществления мышления. Способностью различения обладает только субъект мышления, который всегда находится «по ту сторону добра и зла». Мыслящий субъект всегда должен оставаться и удерживаться в точке рефлексии и бесконечно осознавать, что он находится в пространстве мыслительного конструирования. Ни один мыслящий не может претендовать на «истину», потому что ее просто не существует. Нужно иметь «мужество совести», чтобы признать это.

Также «мужество» нужно иметь признать, что философия есть бесконечное стремление к власти – власти идей, власти концептов, власти сконструированных человеческим мышлением миров. Поэтому философский призыв стоиков «жить согласно с природой» – самообман. «Природа» является таким же мыслительным конструктом, как и все остальные. Сарказм Ницше объясним: «Жить согласно с природой» означает, в сущности, то же самое, что «жить согласно с жизнью» [1. С. 24]. К чему стоикам создавать принцип «жизни в соответствии с природой», если они уже полностью с ней совпадают, и мышление в этом случае не требуется? Таким образом, жизнь у Ницше это «жизнь», жизнь в мышлении. «... Не существовало бы никакой жизни, если бы фундаментом ей не служили перспективные оценки и мнимости; и если бы вы захотели, воспламеняясь добродетельным вдохновением и бестолковостью иных философов, совершенно избавиться от «кажущегося мира», ну, в таком случае – при условии, что вы смогли бы это сделать, – от вашей «истины» по крайней мере тоже ничего не осталось бы!» [1. С. 53]. Итак, философия «всегда создает мир по своему образу и подобию, она не может иначе; философия сама есть этот тиранический инстинкт, духовная воля к власти, к «сотворению мира», к *causa prima*» [1. С. 24].

Конец жизни в конце мышления. Символический «конец мышления» реализуется в человеческой деятельности. Человечество так и не может до конца осознать, что трудовая деятельность – это деятельность животного, *animal laborans*, однако Ницше это хорошо осознает. «Где человеку нечего больше видеть и хватать руками, там ему нечего больше искать», – это, конечно, иной императив, нежели платоновский, однако для грубого, трудолюбивого поколения машинистов и мостостроителей будущего, назначение которых – исполнять только черную работу, он, может статься, и есть как раз надлежащий императив» [1. С. 31].

Поскольку настоящая жизнь – это жизнь мышления, возникает вопрос: «Откуда берется мышление?». Очевидна полемика Ницше с Декартом и декартовским «*Ego cogito ergo sum*». Мышление

всегда «уже есть», всегда уже есть и субъект, который мыслит себя мыслящим. Мышление всегда уже есть в своей развернутости, поскольку осознание себя мыслящим – это мгновенное априорное суждение (наряду с другими априорными суждениями), которое всегда уже различимо с множеством суждений. Я, возможно, и является причиной мышления, но само мышление субстанциально, так как оно мыслится. «Мысль приходит, когда “она” хочет, а не когда “я” хочу; так что будет искажением сущности дела говорить: субъект “я” есть условие предиката “мыслю”. Мыслится (Es denkt): но что это “ся” есть как раз старое знаменитое Я...» [1. С. 33]. Мыслится мышление может только посредством Я и никак больше, что подтверждается изначальностью существования субъекта.

Что приводит мышление «в действие»? В контексте традиционной метафизики – воля к знанию. Знание здесь понимается как истинное знание, а истинное знание – это конец мышления. Таким образом, «воля к знанию» обусловлена парадоксальной «волей к незнанию». Парадокс кроется в сомнении в истинном знании.

Поскольку воля есть некое движение, мышление есть действие, или деятельность. Любое действие объективируется в поступке. Традиционно поступок относят к моральной категории. Мораль, в свою очередь, всегда нагружена ценностными оценками, то есть поступок всегда оценивается. Возникает вопрос, каким образом поступку вменяется та или иная «ценность»? Ответ: поступок обусловлен намерением. Но это пред-рассудок, как считает Ницше: «Видеть в намерении всё, что обусловливает поступок, всю его предшествующую историю, – это предрассудок, на котором основывались почти до последнего времени на земле всякая моральная похвала, порицание, моральный суд, даже философствование» [1. С. 50].

Мышление как деятельность не-пред-намеренно; оно организуется волевым интеллектуальным усилием. Оно всегда «уже-есть». В случае пред-намеренности мышления, которое задается моральным императивом, мышление не просто останавливается, оно оказывается в ситуации невозможности. Таким образом, мораль – это апофеоз «несвободной» воли, «воли на пределе», которая оборачивается не-волей. Противоположное предельное состояние воли – распушенность, «laissez aller». Мораль есть «своего рода тирания по отношению к «природе», а также и к «разуму» [1. С. 98]. Мораль сводится к повиновению «долго и в одном направлении» [1. С. 99]. Но именно благодаря этому давлению возникает противодействие и начинает действовать другая «воля», которая разворачивается как свобода мышления. Мораль необходима как точка поворота к мышлению. «Взгляните с этой точки зрения на любую мораль, и вы увидите, что ее “природа” в том и заключается, чтобы учить ненавидеть laissez aller, ненавидеть слишком большую свободу и насаждать в нас потребность в ограниченных горизонтах, в ближайших задачах; она учит сужению перспективы, а стало быть, в известном смысле, глупости, как условию жизни и роста» [1. С. 100]. В точке взаимодействия морали и распушенности предьявляется мышление как акт свободной воли. Поток несвободной воли может быть остановлен в точке остановки или паузы, которая является эффектом самого потока. Это точка самоопределения потока, например, «сделать воскресенье до такой степени священным и скучным, чтобы англичанин незаметно для себя снова начал сладострастно помышлять о своих будних и рабочих днях» [1. С. 100].

«Всё безусловное принадлежит области патологии». Мораль – изначально категория безусловная. Безусловное начало всегда отсылает нас к трансцендентальному началу. Трансцендентное субстанциально и не требует дополнительной предикации. Оно ничего не требует, кроме самого себя. Абсолютное требует лишь полного подчинения и приятия. Возникает понятие догмы. Догматическое знание есть предел или конец мышления. Конец мышления означает состояние полного счастья и покоя. «...Счастье представляется ему преимущественно как счастье успокоения, безмятежности, сытости, конечного единства, как “суббота суббот”» [1. С. 110]. Отсюда любые формы социального, которые предьявляются как формы абсолютного счастья, благоденствия, являются социальной нежизнеспособной утопией. Эти формы на пределе могут оборачиваться социальными катастрофами (то, что мы наблюдаем в истории «демократических сверхдержав»). Поэтому нет и разницы между демократией и христианством, которые сегодня существуют на пределе смыслов.

Человек изначально обладает «реальностью инстинктов», «миром вожеления и страстей». Мышление не является инстинктом, мышление находится на поверхности, оно есть «взаимоотношение этих инстинктов» [1. С. 54]. Именно на пределе «реальных» инстинктов питания, выделения, обмена веществ как «праформы жизни» вся физиология становится бессмысленной и оборачивается волей к мышлению. Воля есть причина мышления, а следовательно, воля совпадает с мышлением,

так как воля как причина является частью мышления. «Воля» может действовать только на «волю», а не на «вещества» (не на «нервы», например); словом нужно рискнуть на гипотезу – не везде ли, где мы признаем «действия», воля действует на волю, и не суть ли все механические явления, поскольку в них действует некоторая сила, именно сила воли – волевые действия» [1. С. 55]. Мышление связано с реальностью через интерпретацию, или, как говорит Ницше, «толкование». Поэтому истина и «истинное знание» невозможны, возможна только множественность интерпретации, которая «скрывает» от нас «реальность».

Движение воли возможно только при наличии противоположного движения. Движение «к» всегда определяется движением «от». Эта операция возможна только в мышлении. «Искушение» – это метод философствования. Поскольку движение воли есть процесс мышления, постольку это движение предьявляется как суждение. Суждение, которое несет в себе свободную волю мышления, должно бесконечно определяться и самоопределяться. Возможность такого мышления осуществляется в инверсии смысла. Ситуация инверсии возможна в результате столкновения двух равнодействующих сил, или в результате столкновения двух суждений. Таким образом, иное мнение – это залог бесконечной текучести мыслительного потока. Вот как об этом пишет Ницше: «”Мое суждение есть мое суждение: далеко не всякий имеет на него право”, – скажет, может быть, такой философ будущего. Нужно отстать от дурного вкуса – желать единомыслия со многими. “Благо” не есть уже благо, если о нем толкует сосед! А как могло бы существовать еще и “общее благо”! Слова противоречат сами себе: что может быть общим, то всегда имеет мало ценности» [1. С.59].

Нельзя не заметить, что «иметь собственное суждение» опасно. Ницше называет философов будущего «искусителями»: «...Философы будущего хотели бы по праву, а может быть, без всякого права, называться искусителями» [1. С. 59]. Что или кого должны искушать философы? Философ подвергает сомнению не только собственные суждения, сохраняя свободу и гибкость мышления; он также подвергает сомнению точку зрения большинства. То, что является общим, имеет очень мало ценности: «стадная желательность» мечтает только об одном «счастье зеленых пастбищ, соединенное с обеспеченностью, безопасностью, привольностью, облегчением жизни для каждого... и само страдание они считают за нечто такое, что должно быть устранено» [1. С. 60-61]. Таким образом, сильнейшим испытанием независимости является умение «сохранять себя». «Историю могут вынести только сильные личности, слабых же она совершенно подавляет» [2. С. 32]. Критерием различения сильных и слабых является ответственность. Только сильные берут ответственность за свое существование. Слабые же отказываются от нее.

Историческое существование слабого человека лишает его субъективности и превращает его в объект исторического процесса. Объективированное историческое существование должно быть доведено до предела, который оборачивается ужасами и смертью, насилием и рабством, тиранией и безумием. Именно в этот момент возникает «воля к жизни», или «прыжок в мышление». В точке остановки естественного исторического существования открывается рефлексивный поток мышления. Воля к свободной жизни – это воля к мышлению! Императивное требование «Живи!» оборачивается императивным требованием «Мысли!»

Итак, в онтологической модели Ф. Ницше мышление как самобытийствующий поток разворачивается и предьявляется в двух состояниях. Первое: полная объективация мышления в структурах социального и исторического. Здесь человек выступает как животное, а человечество – как «стадо». Религия и мораль обслуживают системы социального, выполняя утилитарную функцию полезного существования. «Вечные ценности» ведут человека к его мечте: «отсутствие страдания» и «всеобщее человеческое счастье», – что характеризует растительное существование. В политическом отношении спасением является демократия, в которой человек доходит до окончательного предела – стадного животного.

Второе состояние –, когда мышление мыслится и субъект мышления, без которого оно невозможно, начинает жить настоящей собственно человеческой жизнью. Начало мышления всегда связано с волевым усилием мыслить. Мышление – некое сопротивление и вызов уже осуществившемуся существованию. Призыв «воли к власти» – попытка Ницше сохранить потенцию бытийствующего мышления; попытка сохранить собственно «человеческое существование», которое возможно исключительно в мышлении.

* * *

1. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла: Прелюдия к философии будущего. М.: Академический проект, 2007. 398 с.
2. Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни. Украинский филиал СП. «Лесинвест ПТД» СССР – Швейцария. Гортипография. Подписано в печать 5.03.91.

Поступила в редакцию 08.04.15

O.V. Sokolova**NIETZSCHE'S CONCEPT "WILL TO POWER" AS A WAY OF IMPLEMENTATION OF THINKING**

According to the concept of Nietzsche, the natural existence of a man is always more than his animal existence, because the man knows the time. This redundancy is presented as historical time. The history time forms a "break" from the everyday animal existence, opening the memory space. The historical area funds the human exit to non-naturality of existence. Methods for determining human existence through the border with the historic appear. In referring to the past or the monumental history, the human being is less than the historical, being identified by transcendent meanings of imposed goals. Oblivion of his own meanings plunges him into the depths of the antique history, into the structures of the accomplished past which make the present meaningless. Critical history forces to completely reject all past and future historical meanings without any hope to find them again. And only the possibility of reflection as the ability to distinguish the human existence in time includes thinking, which always casts doubt on everyday human existence. Irreflexive everyday life is constituted by moral norms and rules which provide and organize the living space of the individual. In order to exit to the thinking, one needs to overcome the established moral prejudices that stop thinking and make it impossible. To overcome prejudices one needs to make an effort, that is, to manifest the "will to knowledge" that is the "will to power". "Will to power" is actually the will to power of thinking, its ability to design and create a discursive space. The call of the will to power is the call of the will to live, as man is a man only if he is a thinking subject.

Keywords: thinking, history, willpower, morality, prejudice, critical mind, freedom, action, subjectivity, objectification, courage.

Соколова Ольга Владимировна,
кандидат философских наук, доцент кафедры философии
ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 6)
E-mail: yandelf@yandex.ru

Sokolova O.V.,
Candidate of Philosophy, Associate Professor
Udmurt State University
426034, Russia, Izhevsk, Universitetskaya st., 1/6
E-mail: yandelf@yandex.ru